

УДК 327

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ КНР – США. МОТИВАЦИИ РОССИИ

© 2011 г. **С.М. Труш***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье рассматривается современное состояние взаимоотношений КНР и США, вопросы их растущей экономической взаимозависимости, выделяются различные аспекты и тенденции этой взаимозависимости, противоречия. Особое внимание уделяется текущему «валютному спору» между КНР и США. Рассмотрены некоторые аспекты позиции России в связи с динамикой китайско-американских отношений.

Ключевые слова: *китайско-американские отношения, взаимозависимость, миропорядок, валютные противоречия, курс юаня, валютно-финансовые отношения, ценные бумаги США, интеграция в АТР, российский Дальний Восток, Центральная Азия.*

Международные отношения переживают очередную фазу трансформаций, инициированных глобальным экономическим кризисом. Эти трансформации, прямо или опосредованно, связаны с внутренней динамикой ключевых мировых игроков, в числе которых США, Китай и Россия. Эти страны продолжают оставаться наиболее сильными и самодостаточными центрами мирового влияния. Между ними складываются новые конфигурации и отношения, уникальные для каждого отрезка мирового времени. Возникают новые вызовы и нюансы «трёхсторонней» и многосторонней дипломатии, разворачивающие РФ к определённым инициативам.

США, при всех кризисных замедлениях, переоценке внутренних и внешнеполитических ресурсов, остаются наиболее мощной и наиболее самодостаточной из трёх полюсов. США – хотя этот процесс ещё не завершён – показали впечатляющую для мира способность к самореформированию. Своевременный и эффективный антикризисный пакет, трансформации внутри правящего класса и его структурного ядра – банковского сектора, расширение социальной опоры власти в условиях «партиципарной демократии», несомненно, усиливают адаптационные возможности Америки, а следовательно, и её ресурсы вовне. Этот процесс проходит драматично, в острой внутривнутриполитической борьбе, с позиционными перегруппировками в поисках стабилизирующего компромисса.

Элита США переосмысливает пределы своих возможностей и саму роль Соединённых Штатов в международной системе, уходит от не соответствующей

* ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: stroush@mail.ru

щей этим возможностям «однополярности» и силовой дипломатии, развивает кооперационные начала и элементы «мягкой силы», по-иному интерпретирует действия других участников международных отношений. Вместе с тем США не собираются и не делают ничего в направлении отказа от собственной лидирующей, а где-то монопольно регуливающей роли в международной системе. Сдавать эту роль неадекватно существующим возможностям Соединённые Штаты не намерены.

Китай является, бесспорно, наиболее динамичным игроком в тройке, опирающимся на беспрецедентный, но не беспроблемный экономический рост. Мотор этого роста – экспортноориентированное производство с демографически обусловленными темпами роста само толкает страну как мирового игрока к взламыванию глобального статус-кво. Контроль и расширение, захват и удержание экспортных рынков, борьба за выгодные экспортёру условия товарного и финансового обмена, обеспечение китайской мировой фабрики неиссякающим потоком энергоресурсов и сырья не могут не мотивировать активность китайской внешней политики, «мирное» или иное «возвышение» Китая. В условиях кризиса, который больно ударил по КНР как мировому экспортёру, Пекин продемонстрировал не только свою жизнеспособность, способность оптимально маневрировать обширными валютно-финансовыми ресурсами, но и нечто большее. Мир заговорил об эффективном государственном регулировании в условиях директивно-рыночной мегаэкономики азиатского образца, о привлекательности и сильных сторонах китайской модели хозяйствования, сколь эклектична она ни была по своей сущности и уникальной по совокупности присущих ей социо-экономических, культурных и иных характеристик.

Касаясь проблем китайской экономики, надо упомянуть в первую очередь её демографический балласт, обуславливающий низкие душевые показатели страны и не «выводящие» КНР в число полномасштабных стран-лидеров. Нужно говорить и о встроенных трудностях китайского роста – обозначившихся пороках парадигмы «экспортноориентированного» – и развития КНР, о задаче серьёзного наращивания внутреннего рынка и потребления, которая пока ждёт своего разрешения. Эта масштабная задача сопряжена с серьёзными социально-ценностными и политическими трансформациями в стране, к которым правящий класс только подходит, а иногда и боится подойти. В рамках эклектической модели развития требуют своего разрешения острые имущественные, региональные, возрастные и другие пока «спящие» противоречия и дисбалансы, весьма затратные для преодоления. Не вдаваясь здесь в профессиональный разбор внутренних вызовов китайского развития, подчеркнём лишь, что эти вызовы и ограничения в ближайшем будущем будут центральными для китайской внешней политики. Они будут всегда – прямо либо опосредованно – накладывать очевидный отпечаток на встраивание Китая в современный мир, предопределяя его порой неожиданные реакции на глобальные «раздражители».

Россия в посткризисном мире выглядит более слабым игроком, чем два вышеназванных. Её экономическое процветание более проблематично и будет полностью зависеть от заложенной в планы модернизации и ухода от энерго-сырьевой парадигмы развития. Конкретные алгоритмы, управленческие про-
рывы и социальные силы такой модернизации пока только нащупываются

российской элитой. Правящий класс страны базирует свою легитимность на постреволюционном переделе собственности и с трудом поддаётся реформированию. Модернизация имеет высокую социальную цену и предполагает существенный политический ресурс у её инициаторов; имеется ли такой ресурс, пока неясно.

При всех этих неясностях Россия сохраняет традиционный мировой вес как геополитически крупнейшая держава мира и Евразии, обладающая богатейшими ресурсами самодостаточного развития, с сопоставимым с США ядерным потенциалом уничтожения, государство с богатейшей историей, культурно-цивилизационными и гуманитарными традициями.

Взаимозависимость и противоречия

Китайско-американские отношения являются центровыми для нынешнего мирового развития. Общениа двух этих стран включают в себя мощные векторы экономического сотрудничества и взаимозависимости, равно как и расходящиеся, остро конфликтные, трудно гармонизируемые интересы.

Экономическая взаимозависимость США и КНР многомерна. Важное место в ней занимает *двусторонняя торговля*. Она являет собой характерный пример взаимодействия многоуровневой постиндустриальной экономики (США) с крупнейшей из бурно индустриализующихся развивающихся стран в условиях глобализации. Оба партнёра занимают важные и во многом уникальные торговые ниши друг у друга, их коммерческие интересы существенно взаимодополняемы. США уже второе десятилетие массированно импортируют из Китая потребительские товары с низкой или умеренно низкой добавленной стоимостью, что соответствует, если не предпочтениям, то доходам широкого слоя потребителей. В предкризисные годы за счёт китайских товаров американцы удовлетворяли львиную долю потребностей в текстиле и одежде, мобильных телефонах, мебели, игрушках, бытовой электронике. КНР занимает первое место в числе стран – экспортёров в США. По имеющимся расчётам, отдавая предпочтения китайским товарам, американские потребители только в 1995–2005 гг. сэкономили 600 млрд. долларов [4, с. 13].

Соединённые Штаты, хотя и утратили роль первого экспортного рынка для КНР, уступив эту роль ЕЭС, продолжали играть ключевую роль в китайской внешней торговле. Взаимодополняемость интересов – хотя и не всех – предопределяла то, что, несмотря на циклические трудности и кризис, в последнее десятилетие товарооборот Китая с США, как тенденция, внушительно рос и расширялся по номенклатуре. Преодолев кризисный 10%-ный спад, он достиг в 2009 г. внушительной планки в 366 млрд. долл., при импорте США в 296 млрд., экспорте в 69 млрд., дефиците в 226 млрд. долларов [8, Table 1].

Данные по китайскому экспорту в США на протяжении последнего десятилетия показывают не только качественные сдвиги в его структуре – к более дорогому и технологичному, но и его роли в транснационализации производства. В 2009 г. среди пяти основных стоимостных категорий американского импорта из КНР первые две приходятся на «электронную технику и оборудование» и «электротехническое оборудование» (по таможенной классификации США это включает компьютерную технику и комплектующие, средства связи,

бытовую аудио- и видеотехнику). Суммарный объём импорта по трём этим категориям превышает 135 млрд. долл. Остающиеся три стоимостные категории – «одежда», «игрушки», «мебель» – составляют лишь примерно половину – 63,5 млрд. [8, Table 3]. Такое положение дел является следствием переноса американскими и другими транснациональными компаниями многих своих производств и узлов сборки в Китай в русле оптимизации издержек, роста китайских комплектующих для продукции ведущих мировых брендов. При этом Китай вытесняет с американского рынка традиционных поставщиков аналогичной продукции, таких как Япония, Корея, Тайвань, страны ЮВА. В то время как в 2000–2009 гг. импорт США компьютеров и комплектующих из Китая вырос на 440%, общая стоимость американского импорта аналогичной продукции за тот же период возросла на порядок ниже – 14% [5, p. 7–8].

Подобные тенденции в торговле и производстве являются и основной причиной растущего торгового дефицита США. Эта проблема беспокоит американскую элиту, озабоченную – особенно в свете «тлеющего» кризиса – переводом страны в русло более сбалансированной, низкодефицитной экономики.

Многие аналитики обращают внимание на то, что американский дефицит в торговле с КНР, не является конечной прибылью китайского производителя и, следовательно, не должен восприниматься столь драматично американцами. Прибыль совместных китайских предприятий – а в китайском экспорте в США, доля совместных предприятий примерно равна 50% – раскладывается на прибыль гонконгских, тайваньских, японских западноевропейских, тех же американских инвесторов и поставщиков комплектующих. В этом смысле можно сказать, что товар, пришедший на американский рынок под брендом «Сделано в Китае» и прошедший статистику американской таможни, является экспортом многих стран. Существенная часть прибыли, полученной множественными экспортёрами от этих транзакций, реинвестируется в США или попадает на американский фондовый рынок.

Важны и особенности ценообразования техноёмких товаров китайской сборки, соответственно являющегося китайским экспортом и поступающим на американский рынок. Доля добавленной стоимости собственно китайского сборщика бывает несоизмеримо низка соотносительно со стоимостью технологии, наиболее наукоёмких комплектующих, затратами на патенты, торговыми и логистическими накрутками продавца изделия. Согласно одному исследованию, в структуре цены продаваемого под торговой маркой «Эппл» (*Apple*) популярного видеогаджета, появившегося на рынке США в 2005 г., доля китайского сборщика – конечного производителя составляла 4 долл. – 2,8% при себестоимости продукта в 144 долл. и продажной цене в США 299 долл. [5, p. 11].

При всём взаимном тяготении, торговля США и КНР является полем плотной конкуренции, источником трений и противоборства интересов. Помимо хронического дефицита США, на протяжении последнего десятилетия составлявшего в среднем плюс-минус 70% суммарного товарооборота, сопутствующими проблемами двусторонних торговых отношений являлись борьба за рабочие места внутри США, особенно обостряющаяся в избирательные циклы, антидемпинговые расследования, принявшие обоюдный характер после вступления КНР в ВТО. США неоднократно обвиняли Китай в неэкологичности отдельных экспортных товаров, в использовании принудительного труда на ки-

тайских фабриках. Китай со своей стороны отвечал обвинениями в нечистой конкуренции, использовании нетарифных барьеров, ценовом сговоре, дискриминационном подходе к китайским товарам.

Для понимания отношений в области торговли между США и КНР весьма иллюстративным являются те законодательные инициативы, которые были внесены в Конгресс США текущего созыва. Приведённые ниже, они дают представление о тех проблемах – как общего, так и более частного характера, – которые, по мнению американских законодателей актуальны в экономических связях с КНР; показательны они и для тональности американских оценок. Знакомясь с этими законодательными инициативами следует иметь в виду, что внешняя политика и внешняя торговля воспринимаются членами Конгресса США сквозь призму интересов своих избирательных округов, что порой лишает их оценки стратегического видения и макрополитической перспективы.

В числе законодательных инициатив обеих палат Конгресса США в 2009–2010 гг. были:

- резолюция, осуждающая Китай за «социально неприемлемую практику ведения бизнеса, включая производство и экспорт небезопасных товаров, систематическое нарушение экологических норм и эксплуатацию рабочей силы»;
- законопроект, направленный на стимулирование американского экспорта в КНР, особенно с участием среднего и малого бизнеса, согласно которому предполагается выделить специальные гранты штатам, создать там структуры для стимулирования экспорта в КНР;
- законопроект, предписывающий ограничивать общую стоимость китайских товаров, приобретаемых правительством США, стоимостью товаров, приобретённых китайским правительством у США;
- закон, запрещающий Министерству сельского хозяйства США, Агентству по продовольствию и медикаментам и другим федеральным органам использование федеральных средств для импорта продуктов птицеводства из КНР до тех пор, пока Минсельхоз не создаст систему надлежащего контроля и сертификации китайских производителей. Данная система должна включать в себя инспекции на местах пунктов забоя и полной переработки птицы в КНР;
- законопроект, предписывающий Министерству финансов США определять валюты, курс которых существенно занижен, а Министерству торговли вменяет в обязанность определять, даёт ли занижение курса основание рассматривать её как субсидирование экспорта, и применять в этой связи меры согласно американскому законодательству. Правительству США предписывается ставить вопрос о разрешении спора в связи с недооценкой курса валюты перед ВТО, запрещать закупку федеральным правительством товаров и услуг данной страны [5, р. 33–35].

Макроэкономическая связка и проблема валютного курса

Существенным показателем взаимозависимости стала макроэкономическая связка между Китаем и США в валютно-финансовой сфере, которая определяется высоким уровнем потребления, нарастанием государственного долга и дефицитом платёжного баланса в США, с одной стороны, и покрытием

этих дефицитов накоплениями Китая и других бурно развивающихся экономик мира – с другой.

Китай, исходя из своих демографических условий и будучи заинтересован в поддержании занятости и социальной стабильности, является ярко выраженной экспортноориентированной страной. Доля экспорта в его ВВП превышает 40% и он является главным для КНР средством максимизации прибыли и создания новых рабочих мест. Ориентируя свою продукцию на рынки США, Европы и Японии, КНР не имеет пока лучших альтернатив, чем фиксация экспортной выручки в валютных резервах, облигациях Минфина и других ценных бумагах США, при этом твёрдо удерживая низкий обменный курс своей валюты. В самой КНР к настоящему времени, по мнению экономических аналитиков, нет развитого финансового рынка и институтов, способных «переваривать» эти накопления, гарантировать их сохранность и перенаправлять для эффективных инвестиций внутри или вовне [7, р. 227–229]. Валютные и финансовые резервы рассматриваются Пекином, помимо прочего, как гарантия от колебаний мировой конъюнктуры и кризисных циклов.

Стабильный приток внешних заимствований на финансовые рынки США, обусловивший низкую банковскую учётную ставку в течение длительного времени, создал условия для агрессивной погони за прибылью со стороны участников американского финансового рынка. В таких условиях оказались блокированными механизмы саморегулирования финансового рынка США. Главным таким механизмом является рост учётной банковской ставки при повышенном объёме государственных заимствований и низком уровне частных накоплений. Есть разные оценки значимости именно этих факторов соотносительно с собственными проблемами внутреннего финансового рынка США [7, р. 233]. Вместе с тем, трудно отрицать, что массированные внешние заимствования, составлявшие к 2008 г. приблизительно половину объёма всего государственного долга Соединённых Штатов, активно способствовали развитию финансового кризиса.

На июль 2009 г. на долю Китая приходилось облигаций Минфина США на сумму 800,5 млрд. долл., и он являлся крупнейшим держателем этих облигаций в мире. С мая по июнь 2009 г., после коллапса ипотечного кредитования в США и последующего развития финансового кризиса, Китай продал на рынке акции компаний «Фанни Мэй» и «Фреди Мак» на сумму 25 млрд. долл. Однако, несмотря на резкие кризисные колебания цен в этот период, КНР продолжала размещать свои накопления в облигациях Минфина США. С июля 2008 г. по июль 2009 г. объём этих акций у КНР возрос на 10% [6, р. 8].

В течение второй половины 2009 г. и в 2010 г., как показывают данные Министерства финансов США, Китай продолжал играть активную роль на финансовых рынках Соединённых Штатов, хотя и сделал определённые корректировки в своих транзакциях. Основные коррективы заключались в том, что китайские инвесторы сокращали долю облигаций государственных ведомств США и увеличивали долю краткосрочных облигаций, в первую очередь Минфина Соединённых Штатов. Эти изменения свидетельствовали о настроениях инвесторов КНР ориентироваться на короткие циклы доходности, учитывая вероятность негативной для себя эволюции на финансовых рынках в долгосрочном плане в условиях продолжающегося кризиса.

В декабре 2009 г. Китай продал на рынке облигаций Минфина США на 34 млрд. долл., уступив первое место Японии. На протяжении 2010 г. КНР предприняла ряд шагов, которые свидетельствовали о желании китайского правительства частично диверсифицировать свой инвестиционный портфель за счёт недолларовых активов и ценных бумаг. Китай осуществлял транзакции с евро, йеной, другими ценными бумагами, помимо облигаций Минфина США. Вместе с тем, стратегическая ставка КНР на долларовые активы, как средства резервирования своей валютной выручки от внешней торговли осталась неизменным [10, р. 33–35].

Центральным пунктом разногласий в экономических связях КНР – США в течение ряда лет является проблема заниженного курса юаня, обвинения Китая в косвенном субсидировании внешней торговли.

В чём суть этих противоречий между двумя странами? Какие условия и договорённости были бы приемлемы и для сторон в валютной дискуссии? Где находится та черта, за которую американская и китайская сторона не готовы заходить в этом противостоянии? Что можно ожидать от продолжения этого противостояния в будущем как для двусторонних, так и глобальных экономических и политических отношений?

Проблема валютного курса, безусловно, выходит за рамки чисто экономических противоречий между США и КНР. В более широком смысле споры вокруг юаня представляют собой дискуссию об условиях и критериях «вхождения» и функционирования Китая в глобальное экономическое пространство, о различном понимании терминов «ответственная мировая держава», «ответственном поведении», которые американцы применили к этой стране в середине десятилетия. В известном смысле продолжался многотрудный и многолетний диалог Китая с Западом по поводу вступления Пекина в ВТО, закончившийся присоединением КНР к этой организации на условиях взвешенного и устраивающего её компромисса, учитывающего реалии и особенности своего экономического хозяйства. Наконец, эту дискуссию, несомненно, следует рассматривать в контексте противоречий, разности интересов различных групп стран, участвующих в экономическом обмене в условиях современного глобализирующегося производства.

Аргументы американской стороны сводятся к следующему. Прибегая к нерыночным методам регулирования юаня, интервенциям на валютных рынках, поддерживая низкий курс своей валюты в условиях массированного экспортноориентированного производства, власти КНР тем самым осуществляют косвенное субсидирование своего экспорта, что неприемлемо для государства, являющегося членом ВТО и связанного определёнными «правилами игры» в торговле*. Помимо этого, недооценённый юань, по мнению американцев, позволяет китайцам скупать «по дешёвке» американские ценные бумаги и долговые обя-

* Следует отметить, что, обвинения в одностороннем субсидировании экспорта Китаем не до конца корректны. В равной мере субсидированием экспорта можно назвать, например, и пакет антикризисных мер 2009 г., принятый администрацией Обамы. Значительная часть этих федеральных средств была направлена в финансовый сектор и автоиндустрию США. Субсидированием аграрного сектора США можно назвать льготные кредиты и финансовую поддержку американским фермерским хозяйствам, традиционно осуществляемую федеральным правительством.

зательства и таким образом аккумулировать в своих руках средства воздействия на экономику и политику США.

Китайские аргументы в этом споре сводятся к тому, что валютный курс государства отражает сложную композицию показателей, в которых должны учитываться все факторы внутристранового ценообразования. Когда государство вступает в глобальный товарообмен и особенно подключаясь к транснациональному производству, к международному разделению труда, то курс иностранной валюты этого государства, считают в КНР, не может не отражать важные для него и его экономической стратегии пропорции, соотношения, сложившуюся логику цен, стоимость рабочей силы и другие важные внутренние характеристики. Поддержание этих базовых пропорций и характеристик необходимо для функционирования конкурентной экономики и социальной стабильности в стране и является суверенным правом КНР. Китай, таким образом, отвергает американские обвинения в «нерыночном» поведении, предлагая США свою трактовку, расширительное понимание валютного спора.

Аргументы сторон следует принимать во внимание, но при этом надо отдавать себе отчёт в том, что все они, так или иначе, политизированы и не могут – по определению – иметь единой основы, а скорее, представляют собой вечный спор между покупателем и продавцом о цене товара, выставленного на продажу. Единое мнение по этому вопросу проявляется только в ходе сделки, если она состоялась, да и то на определённый, обусловленный рыночной ситуацией момент. В этом извечном споре субъектов торга предпочтительнее выглядят позиции той стороны, которая менее заинтересована в этой сделке.

В поддержании нынешних экономических взаимоотношений между США и Китаем заинтересованы обе стороны, но, думается, американские позиции при нынешнем раскладе сил в макроэкономическом смысле следует признать более предпочтительными.

Во-первых, при всех сомнениях и разочарованиях в долларе, которые принёс глобальный экономический кризис, при усилившемся желании строить международную валютную систему на иных валютных основаниях, расширять валютную площадку, доллар сохраняет свои позиции мировых денег и мировой валюты во всех основных измерениях – как средства расчётов и платежей и международных обменов, как средства накопления. США, обладая самой мощной экономикой, являясь страной – эмитентом доллара, даже с учётом прошедших и возможных будущих финансовых катаклизмов имеют большее влияние – по меньшей мере, пока большее, чем Китай – для воздействия на мировую экономику, мировое ценообразование и валютные курсы.

Во-вторых, если говорить о состоянии глобальной экономической взаимозависимости, в которой пребывают США и Китай, последнего – при всей относительности данной оценки – в настоящее время следует признать более зависимым от своего партнёра стороной, чем наоборот. Китай ощущает системную потребность не столько в американском экспортном рынке и инвестициях, сколько в суммарных экономиках Запада. Именно экономики «золотого миллиарда» в настоящее время являются неотъемлемым условием и базовым фактором функционирования китайской экономической модели. Эта зависимость более существенна и пока труднопреодолима, чем нынешние привязки американского потребителя, американского производителя и американского

дебитора к китайской экономике. Экспортноориентированность китайского производства, многомиллиардная валютная прибыль, которую Китай получает в первую очередь на развитых рынках Запада, перераспределение этой выручки внутри страны и её накопление в американских облигациях, обеспечивают в конечном счёте «нетто-эффективность» китайской многоуровневой, многоукладной и разноскоростной экономики. Эту связку «китайской фабрики» и «золотого миллиарда» производителю преодолеть куда сложнее, чем Соединённым Штатам переориентироваться на иные источники импорта и найти других кредиторов американского дефицита, даже с учётом всей цепочки негативных последствий от такой переориентации.

В этом рассуждении не следует сбрасывать со счетов и иные аргументы, «работающие» на Китай. В контексте действующей модели китайской экономики и высокие темпы роста, основанные на предельной эксплуатации дешёвой рабочей силы, и растущая активность Китая как потребителя на сырьевых рынках, и активное освоение последним всех периферийных, помимо западного (АТР, африканского, латиноамериканского), рынков в сочетании с благоприятным валютным курсом оказывают растущее давление на доллар.

Давление США на юань до недавних пор слабо поддерживали другие участники мирового валютного рынка. Евросоюз, хотя и сталкивается с аналогичными проблемами в двусторонней торговле с КНР и имеет сопоставимый с США торговый дефицит с китайцами, не является существенным должником КНР (китайские активы, размещённые в евро, несопоставимо ниже), а посему не испытывает столь «горячего» дыхания юаня в своей макроэкономике. Практически то же самое можно сказать и о Японии, хотя интерес КНР к иене и японским ценным бумагам, как мы отметили выше, возрастает.

Вместе с тем, в последнее время солидарность европейцев с США в валютном споре с Китаем, как тенденции, также растёт*. Мотивами этого, очевидно, является растущее у европейцев понимание того, что при всех центробежных тенденциях, они ощущают себя в одной лодке с американцами в этом вопросе. Китай с таким же – и даже с большим размахом – присутствует на рынках Европы, превращаясь в геоэкономического конкурента Европы по ресурсам и сырью, а китайская эмиграция, оседающая в Европе, становится там и экономическим, и социальным фактором. Низкая, по сравнению с американской, эффективность и динамика европейских экономик с их социальными нагрузками, тем более подталкивает европейцев держаться теснее с американцами в споре с наступающим юанем.

Нынешнее вязкое состояние валютного спора между США и КНР, немного напоминает ближний бой двух примерно равных, но порядком уставших боксёров. Америка, оказывая серьёзный нажим, использует всевозможные форумы и политические инструменты, находящиеся в её распоряжении, вместе с тем не достигает больших результатов в своём давлении на Китай.

Осуществляя этот нажим, администрация Обамы тем не менее сохраняет определённую сдержанность, не выходит за рамки политкорректности и не срывается в непредсказуемый политико-дипломатический шторм. Действуя

* Встреча лидеров «двадцатки» в Сеуле в ноябре 2010 г. наглядно продемонстрировала эту тенденцию.

подобным образом, она исходит как из базовых факторов американо-китайских отношений, важности Китая как политико-стратегического и экономического партнёра США, роли КНР в мировой экономике, в грядущем мировом порядке, так и из определённых ситуативных факторов, не позволяющих Белому дому идти на обострения.

В дискуссии по валютной проблеме Китай ведёт грамотную дипломатическую оборону. Признавая проблему, не уходя от её обсуждения, при этом критикуя «безответственную» кредитную политику американцев, Пекин навязывает противнику свой темп, критерии оценки и в итоге успешно противостоит американскому нажиму.

Справедливости ради надо сказать, что и китайская сторона в отношениях с США испытывает напряжение, в первую очередь экономического и социального свойства. Не имея возможности снижать темпы экономического роста из-за неизбежно растущих затрат на обеспечение 1,3-миллиардного населения, китайская экономика при всех её темпах обеспечивает узкую маржу социальной эффективности. Темпы роста производительности труда и доля научно-технологического прогресса в нём в КНР растут медленнее социально-демографических издержек. Вследствие политики ограничения рождаемости стареет население, сокращается его экономически активная часть*. Реформа крупных государственных предприятий идёт трудно, уровень их производительности заметно ниже экспортноориентированных совместных производств; государство существенно дотирует эти производства за счёт безвозвратных банковских кредитов. Возрастает конкурентная нагрузка на наиболее эффективные экспортноориентированные предприятия и связанные с ними производственные кластеры. Заявления китайского правительства о том, что даже небольшие колебания в курсе юаня способны разорить сотни тысяч производств в КНР и поставить под удар социальную стабильность в стране, должны восприниматься со всей серьёзностью.

Таким образом, отвечая на вопрос о приемлемой черте, которая бы удовлетворяла обе стороны в валютном споре, с учётом изложенных выше обстоятельств вряд ли оправданно прогнозировать существенные изменения в их позициях равно как и быстро найденный компромисс. Судя по всему, этот экономический спор, обрастая новыми аргументами и оценками, прочно встроится в повестку дня американо-китайских отношений и займёт в ней место «вечных» политических тем. Уступки и движения КНР навстречу США почти жёстко обусловлены снижением доли экспортной составляющей в китайском ВВП, уходом КНР от парадигмы экспортноориентированности, расширением доли внутреннего рынка, с одной стороны, и развитием экономики США в направлении ограничения госдолга и всех сопутствующих дефицитов – с другой. С учётом макроэкономического характера всех перечисленных задач и изменений, быстрых перемен в валютном споре двух государств ожидать нереалистично. Этот вопрос достаточно значим для обеих экономик и социумов, чтобы зависеть от краткосрочной и среднесрочной политической конъюнктуры.

* В 2030 г. Китай подойдёт к «точке Льюиса», когда численность населения старше 60 лет сравняется с численностью населения 15-летнего возраста и моложе.

Следует отметить, что в американо-китайской полемике проблема заниженного курса юаня, как правило, рассматривается односторонне, в ней не имеется в виду её более широкий внутриэкономический смысл.

Сам по себе гибкий курс юаня не является самоцелью. Он необходим Китаю прежде всего в достижении внутренних экономических приоритетов – низкого уровня инфляции, стабильного роста и оживления внутреннего потребления. Современная парадигма китайского роста, ориентированная на экспорт, на протяжении последних десятилетий воспроизводит неизбежную цепочку: «слабый внутренний спрос – опора на экспорт – погоня за дешёвым сбытом – низкие затраты – низкая зарплата – слабый внутренний спрос». Низкий и фиксированный курс юаня необходим в такой цепочке как фактор, максимизирующий доходы от экспорта.

Гораздо более перспективна парадигма развития, обеспечивающая рост в опоре на внутреннее потребление. Тогда осуществляется рост по следующему алгоритму: «повышение доходов – увеличение внутреннего спроса – снижение зависимости от экспорта – отказ от погони за сбытом – повышение доходов» [1, с. 147–156]. Именно для такой парадигмы необходим адекватный и гибко реагирующий на конъюнктуру рынка курс национальной валюты.

В какой степени макроэкономическая связка, а точнее диспропорция между живущими в долг США и кредитующим этот долг Китаем будет сохраняться в будущем, зависит от экономической философии, исповедуемой этими странами в период выхода из кризиса и после него. Наиболее экономически оправданной и «здоровой» является стратегия со стороны Китая, направленная на максимальное развитие внутреннего потребления и уход от экспортно-ориентированной модели роста, а для США – последовательная стратегия по сокращению своего «тройного» дефицита – госдолга, бюджета и внешней торговли – по мере оздоровления экономики.

Приоритеты такого рода – при всей масштабности подобных стратегических переориентаций американской и китайской экономик – просматриваются и в установках как нынешней американской администрации, так и руководства КНР. Об этом свидетельствуют важнейшие экономические решения Белого дома, ставящего во главу угла своей экономической политики ориентацию на реальное замораживание «тройного дефицита», обозначение конкретных «потолков» в этих дефицитах. В свою очередь состоявшийся в октябре 2010 г. в Пекине пленум ЦК КПК определил в числе приоритетов «всестороннее развитие внутреннего потребления» в КНР, рассматривая это как ключевую социально-экономическую задачу [2].

Одной из форм преодоления американо-китайских трений в экономике администрация Обамы считает дальнейшее вовлечение КНР в конструктивные экономические отношения в новых, перспективных сферах, расширение опоры взаимозависимости, «размывание» противоречий позитивами от сотрудничества. В ходе своего первого визита в Китай в ноябре 2009 г. президент США выдвинул внушительный пакет инициатив с явным акцентом на сотрудничество в новых, «прорывных» областях и технологиях – новых источниках энергии, создании новых материалов, биотехнологиях, охране окружающей среды, ИТ-технологиях.

В подходе Б.Обамы к Китаю, в отличие от предыдущих администраций, было явно продемонстрировано стремление расширять гуманитарное, идеологическое «ценностное» присутствие Америки в китайском обществе; многие из предложенных американцами в 2009 г. инициатив явно навеяны аналогичными мерами в китайско-российских отношениях. (Год России в Китае, Год русского языка и т.д.) В ходе визита 2009 г. было объявлено о перспективной программе научных, культурных и бизнес-обменов с КНР, ориентирующихся на присутствие в КНР 100 000 американцев.

Начиная с 2006 г. США и КНР ведут «Стратегический экономический диалог», который с приходом президента Обамы в Белый дом переформатирован в «стратегический» и «экономический» диалог – регулярные консультации на уровне глав внешнеполитических и экономических ведомств. (Сам этот диалог также имеет некоторую коннотацию с регулярными контактами на уровне президентов и премьеров КНР и РФ). Хотя содержание переговоров (последняя сессия прошла в мае 2010 г.) не раскрывается сторонами, видно, что достичь какого-то существенного прогресса по ключевым вопросам, в частности по валютному, сторонам не удаётся. В бизнес-сообществе США в связи с проведением диалога раздавалось много критики в адрес президента Обамы. В некоторых комментариях, звучавших по результатам майского раунда, подчёркивалось, что стратегический диалог «представляет собой “нелепую уловку” призванную усыпить общественность. «Конгрессу, – заявляли критики президента, – необходимо взять под контроль китайскую политику Обамы, идущую на поводу китайских “дочек” крупных американских корпораций. Необходимо принять реальные меры против валютных манипуляций и нечестной торговли со стороны КНР» [9]. В этих словах чувствовались настроения малого и среднего бизнеса США, несущего на себе главное бремя конкуренции с китайскими экспортёрами.

В январе 2011 г. состоялся визит китайского лидера Ху Цзиньтао в США. Его отличал ряд особенностей.

За год до него, в феврале 2010 г., администрация Обамы дала санкцию на очередную партию военных поставок в адрес Тайбея. Объём планируемых поставок – свыше 6 млрд. долл., их качественное наполнение – истребители F-16C/D, ракеты «Patriot», вертолёты «Black Hawk» – вызвало решительное противодействие китайской стороны. Китай ответил замораживанием военных связей, лимитированием экспорта редкоземельных металлов на Запад, ужесточением позиции в валютном вопросе. Острота противостояния по тайваньскому вопросу накануне саммита не спадала.

Внутриамериканский контекст визита был не в пользу президента Обамы. Приход в Белый дом в разгар экономического кризиса, пакет мер по поддержке экономики, дискуссии вокруг реформы банковского сектора, законопроект по реформе медицинского страхования, в буквальном смысле расколовший страну, болезненное поражение демократов на ноябрьских 2010 г. промежуточных выборах в Конгресс, проблемы Ирака, Афганистана, сложный торг в Конгрессе по прохождению Договора СНВ с Россией – эти факторы обусловили предельный прессинг на администрацию Обамы на экваторе президентского срока. На карту было поставлено её политическое выживание. В этих условиях рисковать шатким равновесием в отношениях с Китаем, обрушивать эти

отношения в непредсказуемый политико-экономический штопор, обрекать экономику США на дополнительные перегрузки в связи с нежелательными действиями Китая, особенно на финансовом рынке, команда Обамы считала неразумным.

Свои нюансы имелись и в китайской переговорной позиции. Для Ху Цзиньтао этому визиту предстояло стать последним в статусе «государственного визита» в США, в связи с тем, что в 2012 г. китайский лидер должен сложить с себя высшие полномочия. В силу этого китайская сторона, как минимум, была не расположена сделать визит «провальным», а как максимум стремилась добиться нужных для КНР компромиссов, в первую очередь по тайваньской проблеме, избежав при этом жёстких увязок в экономике и по другим вопросам.

Накануне визита – намеренно или нет – появилась информация об испытании в КНР истребителя пятого поколения J-20, с продвинутой антирадарной технологией, причём, по признанию Ху Цзиньтао, это испытание явилось для высшего лица в КНР определённой неожиданностью. Данный факт был расценён на Западе как симптом внутренних разногласий между гражданским и военными блоками китайского истеблишмента.

Все эти нюансы, стремление обеих сторон «не раскачивать лодку» и стабилизировать отношения, не сдавая при этом принципиальных позиций, отразились в ходе январских переговоров 2011 г. Оба лидера соблюдали акцентированную политкорректность; особенно она бросалась в глаза в поведении американской стороны.

В ходе визита было объявлено о размещении внушительных китайских контрактов в США на общую сумму свыше 45 млрд. долл., что отражало стремление КНР развязывать проблему хронического внешнеторгового дефицита Америки. В числе размещённых контрактов – знаковая «мегасделка» (19 млрд. долл.) на производство американских «Боингов», заказы на высокотехнологичное оборудование «чистой энергетики», активно продвигаемые Б. Обамой в мире, технологии связи, транспортную технику. Ожидаемый эффект от размещаемых китайских контрактов – около 230 тыс. рабочих мест. Китайская делегация также дала понять, что к американским компаниям, ведущим дела в КНР будут относиться с большей предупредительностью, а их интеллектуальная собственность будет защищаться эффективней [11, 21.01.2011].

Крупные контракты, осуществление которых – дело будущего, одновременно задумывались и как компенсационная мера, направленная на «купирование» военных поставок на Тайвань. Вместе с тем в итоговом коммюнике визита не содержалось пункта о признании США «базовых интересов» КНР в отношении Тайваня и Тибета. Этот тезис присутствовал в документах саммита 2009 г, и теперь, по мнению американской стороны, эта «ошибка» была исправлена. Президент США вновь подтвердил свою приверженность закону «Об отношениях с Тайванем» как правовой основе связей США с островом.

Выступая на пресс-конференции в Белом доме лидер КНР признался, что Китаю «предстоит ещё многое сделать в области прав человека» [11, 20.01.2011]. Это признание было активно откомментировано и получило большой резонанс в американской прессе. Судя по всему были достигнуты определённые договорённости и по ситуации на Корейском полуострове. Об этом свидетельствовал тот факт, что вскоре после визита состоялись переговоры военных делегаций РК и

КНДР, впервые после обстрела приграничного острова Ёнпхёндо в ноябре 2010 г. Но эти достаточно представительные переговоры были вскоре прерваны.

В ходе визита Китай не продемонстрировал никакого движения навстречу американцам в валютном вопросе. Более того, накануне своей поездки Ху Цзиньтао ещё раз твёрдо заявил о необходимости перехода к альтернативной резервной валюте.

Таким образом, состоявшийся саммит несколько стабилизировал отношения после их явно негативной эволюции на протяжении последнего года. Вместе с тем, он наглядно продемонстрировал собой деликатность того политического уравнивания, которым характеризовались двусторонние связи между Китаем и США.

Интересы и мотивации России

Интересы США, Китая и России соприкасаются и взаимодействуют практически во всех крупных глобальных и региональных проблемах международных отношений. Мы ограничимся здесь лишь некоторыми из них, требующими в настоящий момент большего внимания, и расстановки акцентов с точки зрения оптимизации внешнеполитической позиции РФ. К ним, на наш взгляд, следует отнести следующие:

- 1) проблемы перестройки мирового политического и экономического порядка;
- 2) контроль над стратегическими вооружениями;
- 3) подключение России к процессам ускоренного развития и интеграционным механизмам в АТР;
- 4) взаимодействие РФ с США и КНР в регионе Центральной Азии.

1. *Проблемы перестройки мирового политического и экономического порядка.* Мировой экономический кризис актуализировал вопрос о механизмах и принципах мироуправления. Обещанный «конец истории» не состоялся. США, хотя и демонстрируют существующий потенциал саморегуляции и адаптации к новым условиям, внутренним и внешним, тем не менее, склонны утрачивать и ресурсы, и желание центрировать международную систему «под себя». Формирование новых политических и экономических полюсов на планете к концу первого десятилетия XXI века требует нового политического уравнивания и механизма согласования интересов этих полюсов.

Китай и Россия в числе других стран, экономически активных и неудовлетворённых уровнем своей включённости и влияния в мировых делах, являются наиболее активными критиками существующего порядка. Их обоих не устраивает «однополярность», блоковое структурирование интересов средних и малых стран (будь то НАТО или американоцентричные альянсы Азии), мировой экономический и валютный порядок, закрепляющий интересы старых индустриальных стран, доминирование европоцентричных концептов и моделей социального устройства, развития, духовной культуры.

Москва и Пекин демонстрируют стойкую связку в инициировании альтернативных «восьмёрке» форматов – БРИКС, «двадцатка» – хотя устойчивость этих форматов, равно как и жизнеспособность многополярности, её возможности обрести дееспособными эффективными механизмами мирорегулирования – дискуссионная тема.

Вместе с тем, между Россией и Китаем имеются и существенные различия в подходах к реформированию миропорядка, а соответственно и к США как центральному элементу его нынешнего издания. Эти различия могут стать питательной почвой будущих конфликтов между ними.

Китай – динамичная развивающаяся, индустриализующаяся страна. В силу своих демографических особенностей, имеющихся ресурсов, избранной модели и алгоритмов развития, он запрограммирован на ускоренный экономический рост. Темпы роста ниже 8% при нынешних социально-экономических характеристиках китайского социума, уровне эффективности многоукладной экономики суицидальны для его стабильности. Этот высокий рост в настоящее время реализуется за счёт экспортноориентированной модели экономики; 40% ВВП Китая приходится на экспортную продукцию. Стране жизненно необходимы оптимизированные, выгодные для внутреннего производства условия экономического обмена с внешним миром; при высокой ресурсоёмкости экономики – всё большие объёмы энергетического и иного сырья. От этого зависит даже не прогресс, а выживаемость китайского социума. Сложившиеся во второй половине прошлого столетия политико-стратегические конфигурации, условия экономического обмена и ценообразования, контроля над ключевыми сырьевыми зонами мира коренным образом не устраивают Китай. Это делает КНР очевидным разрушителем статус-кво, активным реформатором в международной системе.

Лозунг «мирного возвышения Китая», означавший ориентацию на бесконфликтное, градуалистское встраивание в уже сложившийся мировой политический и экономический порядок, включение в него КНР как «ответственной» мировой державы, скорее всего, исчерпал для Пекина свой ресурс. На волне мирового кризиса он всё активнее выдвигает свои критерии «ответственного» поведения. Эти критерии, очевидно, прослеживаются практически по всем направлениям китайской внешней стратегии – в экономическом взаимодействии с США, в области валютного курса, в активизации экономической дипломатии, особенно в зоне АСЕАН, в АТР и других регионах мира (Африка, Латинская Америка, Ближний Восток), в военном строительстве, в амбициозной космической программе, в расширении китайского культурно-гуманитарного присутствия в мире, в территориальных спорах по периметру своих границ.

Россия в силу своих геоэкономических особенностей – большая территория в Евразии, сырьевое богатство, композиция, уровень и масштаб экономического комплекса, «качество населения», – хотя и разделяет ряд реформаторских начинаний Китая в отношении мирового порядка – в первую очередь в том, что касается политической однополярности, – имеет в них и собственные интересы. Не будучи жёстко мотивирована демографией, безальтернативной потребностью форсированного роста и экспортноориентированного производства, Россия в меньшей степени зависима от мирового экспортного рынка, валютного курса и иных условий товарообмена. Её встроенность в мировую экономику пока определяется экспортом энергоносителей, где условия ценообразования носят более сбалансированный характер и зависят от глобально взвешенных процессов производства и потребления.

Ставя задачу не индустриальной, а смешанной, индустриально-постиндустриальной, модернизации при всех проблемах и замедлениях в промышленном производстве в постсоветский период – РФ испытывает сильную потребность в поддержании конструктивных и взаимовыгодных отношений с США и ЕС, которые могут выступать в качестве важного, в первую очередь интеллектуального ресурса такой модернизации.

Китай, при всех своих материальных активах и темпах, таким ресурсом обладает в меньшей степени. Его фундаментальная наука и инновационные способности пока слабы, сферы научно-технического сотрудничества с Россией неуклонно сужаются. В формуле «доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия России и КНР, направленной в XXI век», для китайской стороны приоритетное значение имеет военно-политический компонент, в то время как двустороннее экономическое и особенно инновационное взаимодействие существенно «провисает». В экономике обозначился крен в сторону превращения российского Дальнего Востока в сырьевой и энергетический придаток КНР.

В силу этих обстоятельств для России неорганично и политически деструктивно идти в фарватере радикальных, цивилизационно антизападных – в том числе и звучащих в части китайской элиты – настроений в реформировании мирового порядка. Россия должна иметь не радикальную, но эволюционную, заточенную под её собственные интересы повестку дня в вопросах миропорядка – институтах управления, режиме и условиях глобального товарообмена и ценообразования, принципах валютного регулирования, роли и функциях ООН, региональных интеграционных структурах – с полнокровным и сбалансированным участием в них и США и Китая.

2. Контроль над стратегическими вооружениями. Китай, как и всё мировое сообщество, объективно заинтересован в прогрессе российско-американского стратегического диалога, тех ограничений в стратегических наступательных вооружениях, которые налагают на себя США и РФ. Эти ограничения прежде всего понижают порог глобальной ядерной опасности, тормозят ядерное соперничество, снижают риск несанкционированной и случайной ядерной атаки, а соответственно делают весь мир (в том числе и Китай) безопаснее.

Важным фактором влияния на Китай договорённостей США и РФ по СНВ является и то, что, беря на себя ограничения, устанавливая определённые пороги, РФ и США самым фактом этих ограничений стимулируют Китай в числе других ядерных держав присоединиться к пока двустороннему процессу контроля по СНВ. Принципиальная позиция КНР в этой связи такова, что она пока не подключается к процессу контроля над СНВ, поскольку, преимущество США и РФ в этой области велико. После того, как эти страны значительно сократят свои боезапасы до уровня сопоставимого с китайским, КНР будет готова подключиться к этому процессу. Иными словами, вступая в ограничительные договорённости, США и РФ практически создают условия для подключения КНР к этому процессу на том этапе, когда последняя сочтёт это подключение оправданным и возможным.

Следует также отметить, что Китай особенно заинтересован в ходе и прогрессе ядерных ограничений между США и РФ, особенно по тем направлениям, которые могут качественно влиять на его собственные оборонительные и

наступательные возможности. Так например, в случае если Москва и Вашингтон в переговорах по СНВ-3 договорно закрепили бы неразвёртывание систем ПРО, на чём настаивала Москва, это было бы явно на руку КНР. Таким образом, Пекин был и остаётся активным лоббистом интересов Москвы по этому вопросу. Это лоббирование Москва должна активнее использовать в будущем, усиливая, тем самым, нажим на США в своих интересах.

Иранская проблема, взаимодействия США, РФ и КНР по этому вопросу высветила ещё один трёхсторонний аспект проблемы, в целом негативно сказавшийся на российско-китайских отношениях. Он заключается в том, что при всех политически мотивированных критериях, по которым каждая из стран ядерного клуба оценивает потенциальных кандидатов в него извне, аргументы и мотивации ядерных тяжеловесов – РФ и США, направленные на обеспечение нераспространения, превалируют над всеми иными. В данном случае активное лоббирование Китаем интересов своего ближневосточного партнёра и союзника – Ирана перед Москвой, оказалось малорезультативным, натолкнувшись на базовый интерес России. Китай был неудовлетворён ограничениями, существующими в российско-китайском «стратегическом конструктивном сотрудничестве».

3. Подключение России к процессам ускоренного развития и интеграционным механизмам в АТР. Данная проблема тесно взаимосвязана с интересами КНР и США и имеет принципиальное значение для российского социума. Это значение лежит на поверхности: от гармоничного, конструктивного подключения России к динамично развивающейся Восточной Азии, АТР в целом зависят и системная модернизация, и макроэкономическая стабильность; она делает возможным задействование Россией всей совокупности наличествующих у неё геополитических и геоэкономических ресурсов развития. От решения этой задачи зависит в конечном счёте, выживаемость и самодостаточность России как великой трансконтинентальной державы.

Однако перспектива быстрой реализации Россией этой задачи отсутствует. Деградация её восточносибирской и дальневосточной частей носит системный характер и вряд ли преодолима в течение одного-двух поколений. Эта деградация имеет историческое, геоэкономическое, политико-стратегическое, демографическое, социально-психологическое, этнокультурное, называя лишь главные, измерения.

Такая перспектива сильно осложняется и тем, что в этом регионе РФ на текущий момент отсутствуют практически все основные факторы производства: наличие капиталов, удовлетворительная инфраструктура (энергетика, транспорт, коммуникации) и рынок рабочей силы. Для существенных геоэкономических сдвигов в данной области России нужны неортодоксальные решения политического руководства – подобных дэнсяопиновской формуле «одна страна – две системы» (рассматривая её как пример политического новаторства, но не слепого копирования.)

При любых вариантах и формулах решения этой проблемы, она будет почти наверняка означать знаковые бюджетные и административные решения, массированное перенаправление финансовых и человеческих потоков – комплекс болезненных мер, затрагивающих экономическую комфортность больших групп населения. Есть ли в России такой политический лидер, обладаю-

щий столь мощным политическим ресурсом и готовый бросить его на алтарь решения данной задачи, пока непонятно.

Не менее сложен и внешний – экономический и стратегический аспект этой проблемы. В силу отмеченных выше факторов, российская зона АТР однозначно выпала из всех возможных «ниш» ускоренного геоэкономического движения Восточной Азии. Российский Дальний Восток пока далёк от того, чтобы стать хотя бы каким-то «кластером» в региональной карте разделения труда восточноазиатских экономик, его пространственные и ресурсно-сырьевые позитивы не являются инвестиционно привлекательными в той мере, которая потянула бы туда транснациональный либо национальный капитал стран АТР. Помимо российского Дальнего Востока, в АТР, имеются зоны геоэкономического интереса, которые по совокупности факторов производства, инвестиционной привлекательности и гарантиям доходности превосходят российские (в их числе можно назвать внутренние провинции КНР, аграрные зоны Малайзии, Индонезии, Вьетнама).

Несмотря на декларируемую линию стратегического конструктивного сотрудничества, КНР и Россия не осуществляют сколь-нибудь значимых крупных совместных проектов, сказывающихся на системном, восходящем развитии экономического потенциала Дальнего Востока, значение которого для России выходило бы за рамки чисто коммерческих. Реализуемые совместно с КНР проекты являются, главным образом, проектами переработки и транспортировки сырья и, пожалуй, за исключением трубопровода ВСТО*, их значение для России не выходит за рамки локальных СП.

Оставляя за рамками ведущуюся в российской политологии дискуссию о внутренних мерах по развитию потенциала Дальнего Востока, хотелось бы остановиться на внешних аспектах проблемы, роли КНР и США в этом процессе.

Следует предположить, что проблема российского Дальнего Востока, при всех отмеченных выше «отягчающих» обстоятельствах, тем не менее, входит если не в глобальную, то в региональную повестку дня всех ключевых держав региона – КНР, США, Японии, Южной Кореи, Индии и даже менее серьёзных игроков – Тайваня, Вьетнама, Малайзии, Индонезии.

Каждая из стран имеет в этом вопросе свои мотивации и каждая отдаёт себе отчёт в том, что Россия, при всех своих региональных экономических проблемах, является и крупным, и перспективным, и специфическим (евразийским, трансконтинентальным, богатым ресурсами) игроком на политической карте Восточной Азии. Практически все эти страны – особенно КНР, США и Япония – в силу своих прагматических интересов готовы политически и экономически участвовать в этой игре – разумеется, в определённых рамках и на определённых условиях. Связующий их интерес – высокая приоритетность этой темы: не уступить другим региональным конкурентам Россию в качестве важного потенциального партнёра и попутчика, максимально успешно «продать» своё участие – и самой России и для глобального расклада сил. Фактор такой конкуренции, действенность которой не стоит ни переоценивать, ни игнорировать, разумеется, благоприятствует российским интересам.

* ВСТО – нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан с ответвлением на Китай (до станции Сковородино).

Каждый из крупных региональных партнёров России имеет свои мотивы взаимодействовать с ней, чтобы подключить её к АТР, и имеет на эту проблему собственные внешнеполитические проекции.

Китай – ближайший и наиболее динамичный сосед РФ, рассматривающий прилегающие к нему обширные пустынные, ресурсно-перспективные зоны России в качестве естественно тяготеющих к китайскому ядру экономических пространств. Как минимум, Китай на нынешнем этапе своей эволюции хотел бы видеть себя как доминирующего хозяйственного игрока, как потребителя основной доли производимых здесь ресурсов по льготным ценам, как ключевого экспортёра и привилегированного инвестора. Как максимум, Китаю хотелось бы сформировать устойчивую геоэкономическую привлекательность этого региона для себя, придав этому процессу преимущественно ресурсно-сырьевую направленность с отсутствием конкурентных производств, с проницаемыми для экономической эмиграции границами, с существенной степенью хозяйственной и административной автономии Дальнего Востока от европейского центра России.

Соединённые Штаты конкурируют в регионе российского Дальнего Востока с КНР и стараются контролировать также Японию. Не рассматривая этот регион столь же приоритетно, как Китай с точки зрения своей геоэкономики, США, тем не менее, не склонны следить за его судьбой безучастно и готовы направить «под российскую проблему» определённые финансовые ресурсы. Геоэкономический и стратегический интерес США заключается в недопущении бесконтрольного расширения юаневой зоны в АТР. США готовы пойти, просчитав необходимые затраты, на создание регионального «концерта интересов» в геоэкономическом развитии российского Дальнего Востока, максимально сковывая или замедляя, или блокируя китайскую инициативу в угоду своим общестратегическим интересам. В этой связи, дозируя своё участие и выбирая наиболее перспективные системообразующие проекты, США готовы будут, в отличие от КНР, вкладывать капитал не только в сырьевые сектора, но и в транспортную и энергетическую инфраструктуру, относительно современные и конкурентоспособные с КНР производства (в частности, в химической, автомобильной, микробиологической, электронной промышленности). Американский бизнес уже сейчас проявляет интерес к таким транспортным и инфраструктурным проектам, как увеличение грузоподъёмности российских портов на Тихом океане, содействие строительству российских железных дорог (Северный Транссиб, «Трансполярная магистраль», «Берингов мост»), его интересует создание зон свободной торговли на Беринговом море, между Аляской и Чукоткой [3].

Что касается Японии, то из-за территориальных противоречий с РФ и неурегулированности политических отношений она давно переориентировала свои региональные экономические приоритеты, в первую очередь сырьевые, в иных направлениях (ЮВА, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка). Для японского бизнеса зона российского Дальнего Востока не является перво-степенно и даже второстепенно инвестиционно привлекательной. Японская экономика испытывает трудности, сокращение внутреннего спроса, жёсткое давление китайских товаров на азиатских и глобальных экспортных рынках, хотя во многих товарных и экспортных нишах, в первую очередь в наукоём-

кой и высокотехнологичной продукции, позиции японских производителей чрезвычайно сильны.

В таком контексте мотивов и интересов Япония не способна выступать на российском Дальнем Востоке в качестве опорного (для России) игрока, но в целом она могла бы подключиться к определённым проектам развития дальневосточной экономики в русле «концерта интересов». Участвуя в проектах, созвучных её интересам и, главным образом, конкурируя здесь с китайским капиталом, она опиралась бы на сильные стороны японского бизнеса – высокую и современную технологическую базу, гибкие условия по локализации производства, опору на местную рабочую силу, развитую товаропроводящую сеть, которую не всегда готов предложить Китай. В отличие от последнего, Япония способна создавать на территории РФ производства, готовые составить конкуренцию китайским производителям на российском и азиатско-тихоокеанских рынках.

При всей значимости внешних факторов, необходимости выстраивать благоприятный и правильно ориентированный международный контекст для комплексных социально-экономических программ развития Дальнего Востока, надо понимать, что главный приоритет принадлежит внутренним преобразованиям. Создание иной, более благоприятной композиции факторов производства на Дальнем Востоке, поиск оптимальных и реально осваиваемых «ниш» в динамичной восточноазиатской экономике, правильная мотивация бизнес-партнёров, системные бюджетные, налоговые, социальные административные решения – это внутрироссийские задачи.

Отмеченные выше обстоятельства позволяют говорить о том, что складывающаяся в настоящий момент страновая конфигурация, мотивация ключевых игроков в АТР благоприятны для России, и их необходимо использовать. Ситуация, когда никто из ключевых игроков не заинтересован в доминировании своего партнёра – оппонента по АТР на российской локальной площадке, создаёт возможность для России использовать эти противоречия, максимально их отработать. При всей ограниченной приоритетности дальневосточных проектов РФ для стран АТР, их интерес к ним нельзя назвать полностью нулевым. Ситуативно, исторически, такая внешнеполитическая обстановка может быстро поменяться в силу динамики основных контрагентов, крупного международного кризиса (на Корейском полуострове, например), неблагоприятных макроэкономических изменений.

4. Взаимодействие РФ с США и КНР в Центральной Азии. Интересы России, Китая и США достаточно плотно пересекаются в Центральной Азии, где три державы остаются – хотя и не равнозначно – наиболее влиятельными внешними силами. В присутствии США и КНР в регионе существуют как позитивные, так и негативные для РФ моменты.

Присутствие США в Центральной Азии было инициировано событиями сентября 2001 г. и с самого начала диктовалось не только военными целями сил НАТО в Афганистане. Такое присутствие в настоящее время в чисто военном смысле локализуется военной базой Ганси-Манас в Киргизии, но в экономическом и стратегическом отношении оно существенно шире. В определённых направлениях оно противоречит интересам России, в других – благоприятствует им.

Центральная Азия существенно важна для США по ряду обстоятельств. Без стабильности этой зоны американские планы по умиротворению всего Ближнего Востока, в которые столько вложено в ходе и иракской, и афганской войн, нереализуемы. При сохраняющемся сопротивлении и афганской, и иракской оппозиции, регион Центральной Азии, гипотетически находясь под контролем недружественных Соединённым Штатам исламистских режимов, мог бы стать питательной почвой воспроизводства этой оппозиции. В этом направлении американское присутствие в основном позитивно для России, поскольку Вашингтон берёт на себя львиную долю усилий по блокированию исламистской угрозы на юге РФ. Центральная Азия – узловой регион наркотрафика, идущего с юга, преимущественно из Афганистана. Эта проблема затрагивает интересы как России, так и США и стран ЕС.

Помимо этого, присутствие США в Центральной Азии имеет явно выраженную антииранскую и антикитайскую направленность, как минимум, сдерживая и ограничивая роль этих стран на центральноазиатской доске, ставя Тегеран и Пекин в положение «обойдённых с тыла». Иранская ядерная программа из-за присутствия США и стран НАТО в Центральной Азии становится более уязвимой. Для Китая присутствие США особенно чувствительно в силу внутреннего единства этого региона с китайским Синьцзяном, с его сепаратистскими тенденциями и не в меньшей мере с энерготрафиками через него (в первую очередь из Казахстана и Туркменистана).

Этот аспект дуалистичен для российских интересов. С одной стороны, противоборство США и КНР никак не сдерживает здесь российские возможности и интересы, и даже косвенно – как третьей силы – возвышает их значимость. С другой стороны, лояльное и терпимое отношение Москвы к американскому присутствию, настораживает китайских партнёров, тем более связанных с Россией рамками ШОС, вызывая у них ревность и недоверие к своему «стратегическому и конструктивному союзнику». Такое положение сказывается и на других направлениях сотрудничества, весьма значимых и чувствительных для российской стороны (например, в китайском участии в нужных РФ – по объёму и направленности – макроэкономических проектах на российском Дальнем Востоке).

Несомненно, США и НАТО обслуживают в Центральной Азии интересы западных энергетических ТНК. Традиционно считалось, что их присутствие исключительно вредит РФ, составляя конкуренцию российскому сырью и прокладывая альтернативные России пути транспортировки. Тем не менее, если посмотреть на проблему с точки зрения макроэкономики и исходить из того, что энергетические богатства Центральной Азии, равно как и России, – объективная реальность, в долгосрочном плане можно найти в этом присутствии и иные, не столь фатальные для России стороны. Во-первых, это фактор неизбежной конкуренции, который в макроэкономическом плане позитивен (учитывая пороки нефтегазового монополизма энергетического сектора РФ). Во-вторых, логика конкурентной борьбы в глобальной энергетике отнюдь не предполагает тотального выдавливания соперников с одного регионального рынка, особенно в условиях, когда этот соперник может оказаться скорее партнёром и соинвестором или привилегированным оператором проекта на ином, не менее перспективном российском рынке. Тем более в условиях, когда

страна – хозяин ресурсов, заинтересована не в замене одного монополиста другим, а, скорее, в создании условий равной конкуренции для максимизации своей прибыли.

Вместе с тем, присутствие и поддержка со стороны США – важный козырь и ресурс для определённых центральноазиатских элит, базирующих свой статус исключительно на независимости от России. Причём тот факт, что Вашингтон и НАТО, а не Москва несут основное бремя сдерживания афганского фундаментализма, усилил позиции США в целом в чуждой для него центральноазиатской аудитории.

Китай давно уже не рассматривается чужеродным элементом и пассивным игроком на центральноазиатской доске. При сохраняющейся угрозе китайской экспансии, особенно проявляющейся в Казахстане и Киргизии, демонстрационный эффект «китайского чуда» перевешивает негативные исторические комплексы. Сопоставления китайского экономического спурта и порядка, с одной стороны, российской непоследовательности и ограниченности финансовых возможностей – с другой, американской роскоши, технологии, экзотичности для центральноазиатского политического и экономического менталитета – с третьей, скорее на руку Китаю, тем самым увеличивающему свой вес в регионе.

Центральноазиатские, во многом архаичные по своей структуре экономики в настоящий момент весьма взаимодополняемы с китайскими экспортноориентированными отраслями: многомиллионный внутренний рынок центральноазиатских стран весьма значим для китайской экономики, ведущей жёсткую борьбу за каждый экспортный сегмент. Китай, находясь в фазе резкого роста энергетических потребностей, испытывает стойкий интерес к центральноазиатским ресурсам углеводородов. При этом он сильно озабочен тем, что его энергетические проекты (в первую очередь казахстанский нефтяной и туркменский газовый), уязвимы в результате американского там присутствия.

Под воздействием прихода в регион США, Китай заметно усилил военно-политический компонент сотрудничества с Россией: активно сотрудничает в области вооружений, проводит масштабные военные маневры. В ШОС в последние годы стало очевидным переакцентирование интересов Китая на проблематику безопасности и антитерроризма. Ранее в китайском видении организации преобладали экономические и интегративные приоритеты. Наряду с этим, китайская сторона открыто признаёт, что она заинтересована в нейтрализации талибов, и в этой части своей центральноазиатской стратегии она готова поддержать США. Ослабив талибов, США, таким образом, косвенно ослабят уйгурский сепаратизм в Синьцзяне и тем самым блокируют фундаменталистскую угрозу важным для Китая энергетическим путям из Центральной Азии.

Другое дело, что идеалом для Китая – видимо, пока недостижимым – является минимизация всякой угрозы этим траекториям, в том числе и американской, и судя по всему, наиболее опасной.

Если говорить о базовом российском интересе в центральноазиатской зоне, то его можно определить следующим образом. России желательно наличие в этой зоне устойчивых светских политических режимов, умеренно клановых и плюралистичных в своей социальной и региональной основе, просвещённо авторитарных по характеру правления, проводящих внешнюю политику, как

минимум, не ориентированную односторонне на США, НАТО или Китай как основного гаранта своей внутренней стабильности и внешней безопасности, а как максимум, рассматривающие Россию и другие страны СНГ как естественную взаимовыгодную и перспективную зону реализации многих своих ключевых стратегических и экономических интересов.

Такие интересы у центральноазиатских стран есть, и они достаточно ощутимы. Россия и опирающийся на неё механизм ОДКБ продолжает оставаться однозначно важным ресурсом обеспечения безопасности центральноазиатских режимов против исламского фундаментализма. Российская диаспора в Казахстане – экономически и стратегически наиболее мощного игрока в регионе – предопределяет неизбежно высокий статус Москвы как со стороны казахстанской элиты, так и в рамках всего региона. Русский язык, хотя и в меньшей степени, чем раньше, но сохраняет за собой роль языка общения, познания, обучения и научно-технического прогресса для значительного пласта населения центральноазиатских государств, в первую очередь в Казахстане, Киргизии, в меньшей степени в Узбекистане и других странах.

Россия – главный из доступных для центральноазиатских стран СНГ рынок сбыта их промышленной продукции, равно как и они являются активными потребителями базовой промышленной продукции угля, стали, стройматериалов, минеральных удобрений, электротехнического и энергетического оборудования. Важность сохранения этого рынка ощутимо проявилась во время международного экономического кризиса.

Наконец, Россия – ключевой коридор транспортировки центральноазиатских углеводородов в Европу и другие страны СНГ.

* * *

Ни один из трёх основных игроков в регионе – ни Россия, ни США, ни Китай – не обладает достаточными политическими и военными ресурсами либо мотивацией для того, чтобы генерировать и обеспечивать устойчивость благоприятных для себя режимов в странах Центральной Азии. Ослабленность России и её сфокусированность на внутренних делах, её ограниченные финансовые ресурсы; нежелание США перенапрягаться и «растягивать фронт» своей вовлечённости одновременно с нежеланием ссориться с Россией на этом не главном для себя направлении; ещё большее опасение Китая нарушить гармонию интересов с Россией по другим не менее важным для себя вопросам «стратегического конструктивного сотрудничества» – всё это примерно уравнивает шансы этих трёх государств в настоящий момент.

Будущее политических режимов Центральной Азии, их стабильность и внешняя ориентация будет в значительной степени определяться их внутренним генезисом – раскладом социальных и клановых сил, успехами того или иного авторитарного лидера в деле расширения и переформатирования своей политической базы, успехами экономической политики и экономической конъюнктурой, итогами социальной и региональной политики. Внешний фактор будет иметь вторичное значение, особенно для региональных тяжеловесов – Казахстана и Узбекистана.

Интересам России благоприятствовало бы объединение усилий с США и Китаем – трёхстороннее согласование с ними действий, направленных на

главную угрозу нестабильности региона – исламский фундаментализм и наркоторговлю как его главную питательную почву.

В целом можно констатировать осязаемый параллелизм интересов трёх сторон в этом направлении. США, КНР и РФ, каждая по-своему, рассматривают центральноазиатские вызовы как весьма острые для своей безопасности.

Пожалуй, наиболее остры эти вызовы для Вашингтона, ведущего на афганских полях войну не только против талибов и за судьбу администрации Обамы в 2012 г., но и (без пафоса) за мирное будущее американских и европейских (включая российские) мегаполисов, их защищённость от неконтролируемых угроз терроризма, исламского фундаментализма, наркотрафика.

Россия, хотя на этот раз и не участвует непосредственно в боевых операциях в Афганистане, в случае их провала пострадает не меньше американцев. Именно в силу этих причин РФ осуществляет совместно с США и НАТО ряд шагов, направленных на противодействие талибам: предоставление права транзита военных грузов НАТО по своей территории, совместные с США операции против наркотрафика.

Китайские потери – энергобезопасность, Синьцзян, наркотрафик – также очевидны. Китай, судя по всему, созрел для трёхсторонней координации усилий в антиталибской операции в Афганистане. Несмотря на отсутствие опыта такой трёхсторонности, по крайней мере на центральноазиатском театре, и большую глобальную настороженность Пекина в отношении США, она вполне реализуема, хотя и требует серьёзной дипломатической проработки.

Список литературы

1. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. 467 с. (http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/berger17.pdf).
2. *Жэньминь жибао онлайн* (<http://russian.people.com.cn/31521/7172421.html>).
3. *Фененко А.* Дальневосточная стратегия Вашингтона // Независимая газета. 01.09.2010.
4. Экономическая стратегия КНР в XXI веке и вопросы сотрудничества с Россией. Институт Дальнего Востока РАН. Москва, 2010.
5. China-U.S. Trade Issues. Congressional Research Service RL33536. 21.06.2010 (<http://fpc.state.gov/documents/organization/145605.pdf>).
6. China's Holdings of U.S. Securities: Implications for the U.S. Economy. Congressional Research Service. July 30, 2009 (http://assets.opencrs.com/rpts/RL34314_20090730.pdf).
7. *Prasad E.* Effects of the Financial Crisis on the U.S.-China Economic Relationship // Cato Journal. 2009. Vol. 29. No. 2.
8. U.S. Business and Industry Council (<http://www.uschina.org/statistics/tradetable.html>).
9. U.S. Business and Industry Council (<http://www.tradereform.org/content/view/2639/52/>).
10. U.S. Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Annual Report 2010, November 2010 (http://www.uscc.gov/annual_report/2010/annual_report_full_10.pdf).
11. Washington Post, 20.01.2011; 21.01.2011.